

Путь от дворца до буддийского храма пролегал через самую оживленную улицу города, и по дороге двигался нескончаемый поток людей и карет.

Когда карета Ли Яоинь выехала из дворца в окружении солдат в синих и белых плащах, даже сквозь плотный войлочный занавес она слышала шум, словно плеск волн по обочинам дороги.

Она сидела, скрестив ноги, а напротив нее сидел Божа с выражением ужаса на лице. Раньше это были просто сплетни. Теперь же она не только хулила их бога, но и живет под одной крышей с их богом.

Это было не то, чего она ожидала. Ли Яоинь подперла подбородок обеими руками, все еще ошеломленная.

Когда Тунмо Луоцзя согласился оставить ее во дворце, по ее мнению, это было лучшее убежище, на которое она могла надеяться. Теперь же, когда он открыто признал ее личность, не говоря уже о Божа и его душевных терзаниях, даже она была ошеломлена таким поворотом событий.

Когда у нее хватило наглости приблизиться к нему, жители Королевского двора просто посчитали ее юной девушкой, сошедшей с ума от любви. То, что Тунмо Луоцзя разрешил ей остаться в буддийском храме, означало совсем другое. Для нее это, конечно, было хорошо, но репутацию Тунмо Луоцзя это основательно подпортит. После того как Юань Цзюэ зачитал вчера королевский указ, присутствовавшие на почтовой станции послы и принцы принялись строить догадки, Божа плакал, а Ашина Бисо, всегда отличавшийся теплотой и щедростью, выглядел мрачным.

Ли Яоинь вспомнила, когда в последний раз видела Тунмо Луоцзя. На пудже он был так чист, что мир бледнел по сравнению с ним.

Тунмо Луоцзя спасал ее. Хайду Алинь не хотел сдаваться, поэтому она день и ночь была начеку. Благодаря этому инциденту, когда Хайду Алинь осмелился ночью проникнуть во дворец, она поняла, что Королевский двор больше не безопасен. Как раз в тот момент, когда она начала беспокоиться, на помощь ей пришел Тунмо Луоцзя.

Когда она впервые встретила его, то сказала перед всем войском, что хочет последовать примеру Девы Морденги. Тунмо Луоцзя остановил своего коня перед строем, его голубые глаза слегка окинули ее, не выражая своего мнения.

Теперь он дал свой ответ.

Он сказал «да».

С опозданием на несколько месяцев, но быстро и решительно. Две ночи назад Хайду Алинь

ворвался во дворец; вчера королевский указ был объявлен публично; сегодня он послал кого-то принять ее в буддийском храме. Все это было сделано без промедления.

Когда карета подъехала к буддийскому храму, она вошла в него через потайную боковую дверь, и солдаты Центральной армии ввели Ли Яоинь внутрь. У нее подкашивались ноги, и было сюрреалистическое ощущение, как будто она свободно летит сквозь облака.

Буддийский храм в Священном городе был построен у скалы в древние времена. Он был прост и не украшен, торжественен и безмятежен, величественен и внушителен. Повсюду были пагоды, буддийские гроты, возвышающиеся здания и храмовые залы. Оживленно горели палочки благовоний, прерывисто звучал речитатив на санскрите.

Ли Яоинь следовала за солдатами, пробираясь между каменными колоннами по коридору. Насколько хватало глаз, стены коридора были расписаны историями из буддийских писаний, горами и реками, летящими фресками. Сверкающие золотым светом, богатые и красочные, великолепные и насыщенные, со смелыми и плавными линиями, сильными и крепкими характерами, великолепным и буйным стилем.

Внутренний двор был ярко освещен и широк, а обилие пагод напоминало лес. Чем дальше она заходила внутрь, тем становилось прохладнее и тише, а фрески и резьба на стенах становились все более изысканными, с широкими пространствами насыщенного золотого и зеленого цвета. Обстановка была внушительной, огромной и величественной.

Ли Яоинь была ослеплена.

Зеленый, золотой и алый пигменты стоили очень дорого, самые известные художники Чанъани не могли писать золотом, как им хотелось бы, но в буддийском храме повсюду были зеленые и алые фрески, а золотые блики ловили свет. Богатство Королевского двора было очевидным.

Юань Цзюэ и Божа проводили Ли Яоинь, один - со спокойным лицом, другой - словно оплакивая покойных родителей, и привели ее в уединенный дворик в стороне от главного зала, поручив другим солдатам помогать нести дары.

Двор был невелик, но в нем росло несколько цветов и деревьев, что было редкостью для Королевского двора. Двор был глубоким, главный дом возвышался над землей, стены коридоров были оштукатурены сверкающей белой глиной, отчего двор казался широким и опрятным. У стены из желтого самана была виноградная решетка, поддерживающая множество вьющихся лоз, которые покрывали тень большую площадь.

Стены главного дома были выложены из белой глины. В комнате лежал войлочный ковер, стояла кровать, стул, письменный стол, ширма, перед кроватью висело покрывало, без каких-либо других украшений.

Юань Цзюэ указал на белый дом и сказал:

- Принцесса, каждый год при смене сезонов между весной и летом бушует ветер, ночи холодные. В этом доме нет открытых боковых окон, только переднее. Во дворе нет колодца; каждый день кто-нибудь приносит принцессе чистую воду. Посмотрите, чего еще не хватает, и я смогу это прислать.

Он добавил:

- Принцесса всего лишь посвящает себя буддизму и не обязана строго следовать правилам монахов в храме, но принцесса не может бездельничать. Позже монахи пришлют писания и объяснят принцессе ежедневные утренние и вечерние уроки.

Ли Яоинь поблагодарила его, подумала немного и спросила:

- Удобно ли Сыну Будды видеть меня?

Глаза Божа тут же расширились, и он бросил на нее свирепый взгляд. Его губы дрогнули, но он не осмелился произнести ни звука упрека и некоторое время дулся в одиночестве, прежде чем выйти широким шагом. Тунмо Луоцзя велел привести Ли Яоинь, и он не смел ее поносить.

Юань Цзюэ кивнул и сказал:

- Король распорядился, чтобы после прибытия принцессы я отвел ее в комнату для медитаций.

Ли Яоинь оставила Се Цин и остальных распаковывать и разбирать вещи, а сама вместе с Юань Цзюэ отправилась к Тунмо Луоцзя.

Комната для медитаций Тунмо Луоцзя была сделана из зеленого кирпича. Она была уединенной и торжественной. Все арки, коридоры, куполообразные крыши и каменные колонны были расписаны голубыми цветами и зелеными листьями, все углы и края очерчены вихревым узором, расписаны извилистыми ветвями и цветочными узорами. Элегантно и изысканно, уместно и естественно. Перед коридором стояли прямые сосны и кипарисы, высокие тополя, а в глубине двора росли финиковые деревья с серебристо-белыми цветами, источавшими благоухание.

Во дворе царил тишина. Стражники стояли, уперев руки в бока, как марионетки, вылепленные из глины. Тунмо Луоцзя сидел перед столом в зале для медитаций и что-то писал, его фигура со спины выглядела худощавой.

Юань Цзюэ вошел в дом, чтобы доложить. Ли Яоинь ждала перед крыльцом, безучастно глядя на короля. В полдень было самое жаркое время дня. Тунмо Луоцзя был одет в монашескую мантию, которая сегодня обнажала его правое плечо. Кожа на его правом плече была медового

цвета и выглядела гладкой с легким блеском.

Ли Яоинь отвела взгляд и посмотрела на цветущие ветви, колышущиеся на ветру перед внутренним двором, вспомнив, как накануне вечером Судан Гу оступился в зарослях фиников, и серебристо-белые цветы упали на землю.

В лунном свете ночи, когда ее глаза на долю секунды встретились с глазами Судан Гу, странное чувство вдруг поднялось из глубины ее сердца. Она не знала почему, но ей всегда казалось, что отвратительное лицо Судан Гу должно что-то скрывать. В тот момент ей даже показалось, что Судан Гу чем-то похож на Тунмо Луоцзя.

Однако Тунмо Луоцзя лежал в постели с болезнью. Даже спускаясь с коня, он нуждался в поддержке своих приближенных. Судан Гу был суров и воинственен, его клинок властен и свиреп. Один был сострадательным Сыном Будды, а второй - бесчувственным и безжалостным регентом.

Подозрения Ли Яоинь были просто неоправданы.

Более того, когда Судан Гу спас ее, она прильнула к его груди и почувствовала силу, скрытую в его руках. Когда он обхватил ее тело, его сильные мускулы были очень твердыми.

Единственным сходством были их бирюзовые глаза. Кстати говоря, у Ашины Бисо тоже были бирюзовые глаза...

Ли Яоинь пришла в себя и со смехом покачала головой. У нее действительно было буйное воображение. Когда Тунмо Луоцзя был серьезно болен, Судан Гу появился, чтобы отпугнуть Сюэ Яна. Как могли неземной Тунмо Луоцзя и кровожадный Судан Гу быть одним и тем же человеком?

Юань Цзюэ вышел из внутреннего зала и жестом пригласил Ли Яоинь войти. Девушка прервала ход своих мыслей, подобрала юбку и вошла в комнату для медитации.

В комнате было чисто и аккуратно, благовония не горели. Стол был завален свитками сутр, и Тунмо Луоцзя продолжал писать, опустив голову. Его пальцы были длинными и тонкими, но несмотря на это от них исходило ощущение силы.

Ли Яоинь опустилась на колени напротив него, подсознательно выпрямив спину и приняв правильную позу. Она сразу перешла к делу и сказала:

- Душа принца Северного Жун не рассеялась*, поэтому я очень благодарна Достопочтенному за то, что он издал указ о моей защите и позволил мне жить в буддийском храме. Однако не повредит ли это репутации Достопочтенного?

(ПП: идиома. По сути, его не покидают мысли о Ли Яоинь)

Аура Тунмо Луоцзя была сдержанной, в ней чувствовался всезнающий престиж. В его присутствии ей не нужно было быть формальной, вежливой и многословной. Она могла говорить все, что думала. Ведь то, что она хотела сказать, нельзя было скрыть от собеседника.

Когда Ли Яоинь закончила, ее глаза расширились, и она немигающим взглядом уставилась на Тунмо Луоцзя.

Тунмо Луоцзя перестал писать и поднял голову, его глаза были ясными и нежными:

- Принцесса не должна принимать это близко к сердцу. Это всего лишь очередная критика. Через год, когда принцесса благополучно уедет, критика рассеется.

Его тон был спокойным и беспечным.

Ли Яоинь вдруг почувствовала, что не может произнести слова благодарности, о которых думала всю ночь напролет. Тунмо Луоцзя был умен, он не воспринимал всерьез ее заявления о том, что она станет следующей Девой Морденгой. Ему не нужна была ни ее благодарность, ни ее цена. Он помог ей просто потому, что она была человеком, нуждающимся в помощи. Она спасла его, он мог помочь ей, и когда он увидел, что ей грозит опасность, он вмешался, чтобы помочь.

Она встретила хорошего человека.

Ли Яоинь улыбнулась. Все ее тело полностью расслабилось, и затянувшийся мрак в ее сердце словно улетучился. Ее глаза слегка изогнулись, зрачки стали кристально яркими, и она мягко сказала:

- Большое спасибо.

Пятнадцатилетняя девушка, нежная и юная, временно освободившаяся от бремени, засияла прелестью первого цветения. Зал для медитаций словно стал светлее, наполнившись весенними красками.

Тунмо Луоцзя отложил кситель, взял несколько сутр и протянул их Ли Яоинь.

Ли Яоинь выпрямилась, взяла сутры и обнаружила, что это китайские версии Махаяны «Махапаринирва-сутра», «Махаяна-граха», «Шарипутрабхидхарма» и другие сутры.

У нее сразу же разболелась голова.

Что ж, монах не лгал. Когда Тунмо Луоцзя издал указ о том, что она должна войти в храм, чтобы практиковать буддизм, он действительно хотел, чтобы она серьезно изучала буддизм. Он не только организовал ей утренние и вечерние занятия, но даже подготовил сутры.

Этот человек был таким честным.

Ли Яоинь взяла в руки тяжелые писания, думая о том, что в будущем ей придется не только заниматься утомительными делами по созданию торгового каравана, но и читать эти писания. У нее онемела кожа головы. Внезапно она вспомнила еще одну вещь и подняла голову, горящими глазами уставившись на Тунмо Луоцзя.

- Достопочтенный... - с серьезным видом она спросила, - Мне тоже нужно обрить голову?

На лице Тунмо Луоцзя на мгновение промелькнуло недоумение.

На лице Ли Яоинь появилось смущение.

Дева Морденга побрилась налысо, чтобы выйти замуж за принца Ананду; должна ли она тоже побрить голову? Хотя по сравнению с ее жизнью волосы не стоили того, чтобы о них упоминать, и она не должна была колебаться по этому поводу, однако она не стала бы бриться, если бы в этом не было необходимости. Ее волосы были густыми и плотными после стольких лет ухода за ними!

В разгар лета солнце светило как золото. Оно проникало через люк в комнату для медитаций, освещая темные и богатые волосы Ли Яоинь, ее кожу, похожую на снег, платье туманного цвета с пурпурными рукавами. Она была нежна, как цветущая ветвь весной, и была великолепна.

Тунмо Луоцзя опустил глаза и сказал:

- Принцесса еще не обратилась в буддизм. Принцесса может сохранить свои волосы для практики.

Ли Яоинь вздохнула с облегчением, посмотрела на Тунмо Луоцзя глазами, полными восхищения и доверия, и улыбнулась:

- Большое спасибо, Достопочтенный.

Ее голос был чистым и спокойным, гораздо более естественным, чем когда она только что вошла в комнату.

Ничего не говоря, Тунмо Луоцзя взглянул на Юань Цзюэ, стоявшего за дверью. Юань Цзюэ все

понял и отправил Ли Яоинь обратно во двор.

Светло-зеленая юбка молодой девушки скользила по ковру, добавляя ему красок, а в воздухе витал ее слабый аромат.

Тунмо Луоцзя продолжал писать, опустив голову.

Спустя некоторое время в длинном коридоре послышались шаги, и за дверью появилась высокая фигура Ашины Бисо.

- Король только что встретился с принцессой Вэньчжао?

Тунмо Луоцзя хмыкнул и не поднял глаз. Ашина Бисо вошел в комнату для медитаций, поклонился Тунмо Луоцзя и сел, скрестив ноги:

- Король, почему вы так хотите помочь принцессе Вэньчжао? Вы уже сделали исключение, позволив ей жить в королевском дворце, а теперь разрешаете ей переехать в буддийский храм. В городе идет бурное обсуждение. За все эти годы она первая женщина, которая вошла в ваш зал для медитаций.

Тунмо Луоцзя равнодушно сказал:

- Северный Жун живет водой и травой, дикий и нецивилизованный. Хайду Алинь злобен и тираничен, он не желает сдаваться. Только так принцесса Вэньчжао сможет избавиться от Хайду Алиня.

Ашина Бисо посмотрел на него:

- Король, в народе ходят разные слухи.

Тунмо Луоцзя даже не поднял глаз:

- Слухи - это всего лишь внешняя вещь. Я - монарх Королевского двора. Через год сплетни утихнут.

Ашина Бисо на мгновение замолчал:

- А через год сплетни действительно утихнут?

Тунмо Луоцзя склонил голову и написал:

- Бисо, ты думаешь, принцесса Вэньчжао восхищается мной? Беспокоишься, что она откажется и не уйдет?

Ашина Бисо был ошеломлен.

Тунмо Луоцзя спокойно ответил:

- Принцесса находится в изгнании за пределами своей страны не по собственному выбору. После того, как она найдет свою семью, она уедет.

- А как же король? - допытывался Ашина Бисо, - Неужели король помогает принцессе только из благодарности и сочувствия? Принцесса - самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

Тунмо Луоцзя слегка наморщил брови:

- В мире существуют все виды вещей. Вещи в движении нельзя остановить, любовь эфемерна, красота подобна миражу.

Ашина Бисо тихо вздохнул с облегчением. Он встал, опустил на колени и поклонился.

- Этот подданный вышел за рамки моих полномочий.

Тунмо Луоцзя не был тронут. Это хорошо. Он беспокоился, что его тронула принцесса Вэньчжао. Красота - это одно, но в принцессе Вэньчжао было много того, что привлекало внимание других. К счастью, у Тунмо Луоцзя было сильное сердце.

- Бисо, - Тунмо Луоцзя перестал писать и посмотрел на Ашину Бисо, - Ты говоришь, что восхищаешься принцессой Вэньчжао. Это правда или ложь?

Его взгляд был мягким, и в нем не было вопросительного смысла. Но Ашина Бисо обливался холодным потом и стеснялся поднять голову:

- Король, этот подданный знает о своих грехах.

Все, что он делал, было лишь для того, чтобы проверить намерения Тунмо Луоцзя, отвлечь внимание принцессы Вэньчжао и не дать ей вступить в контакт с королем.

Тунмо Луоцзя закрыл написанный им указ:

- Пусть не будет следующего раза. Придерживаюсь ли я пяти заповедей или нет - это никого не

касается.

Ашина Бисо почтительно ответил, взял указ, и его глаза внезапно расширились. Это было личное письмо хану Вахану, равносильное государственному указу, в котором Тунмо Луоцзя объявлял о статусе принцессы Вэньчжао и просил хана Вахана наказать Хайду Алиня.

Тунмо Луоцзя предупредил не только свой народ, но и все страны и сделал это известным всему миру. В будущем десятки царств и городов в горах Тяньшань и на хребте Кунлинь узнают, что принцесса Вэньчжао живет в буддийском храме и находится под защитой короля!

Сердце Ашины Бисо дрогнуло.

- Это государственное письмо ты лично отправишь в лагерь Северного Жун, - сказал Тунмо Луоцзя обычным тоном.

Руки Ашины Бисо задрожали. Сжимая в руках указ, он почтительно ответил «да».

Он вернулся в свою резиденцию, чтобы привести в порядок свои вещи. Пришел его личный солдат и доложил:

- Генерал, принцесса Вэньчжао прислала какие-то травы.

Руки Ашины Бисо замерли в воздухе:

- Что сказала принцесса?

Солдат ответил:

- Принцесса сказала, что травы предназначены для регента. Она попросила вас передать их от ее имени. Она также хотела увидеть вас, чтобы обсудить возвращение принца Северного Жун.

Ашина Бисо хмыкнул и попросил своего личного солдата отправить травы к знахарю, который проживал в резиденции. Знахарь сказал ему, что все травы, которые прислала Ли Яоинь, были редкими и ценными, редко встречающимися в Западных регионах, в том числе для лечения ушибов, застоя крови и повреждений внутренних органов, некоторые из которых не найти во всем Западном регионе.

Ашина Бисо на некоторое время погрузился в раздумья, после чего приказал своему солдату положить травы на склад. Солдат ответил и повернулся, чтобы выйти. Вдруг за его спиной послышались шаги. Генерал догнал его и схватил за плечо.

На лице солдата отразилось недоумение, а лицо Ашины Бисо было угрюмым, он долго смотрел на травы в его руках, прежде чем зажмурить глаза.

- Отправь это в буддийский храм, отдай Юань Цзюэ и скажи ему, что лекарство привезли купцы. Помни, никому больше об этом не говори. Если принцесса спросит, просто скажи, что я доставил лекарство для нее.

Солдат ответил и ушел с лекарством. Ашина Бисо остался стоять на месте и уныло вздохнул.

Он надеялся, что все это ему просто показалось.

<http://tl.rulate.ru/book/72517/3732281>